

URSZULA WÓJCIŚKA, *Literatura staroruska z elementami historii i kultury dawnej Rusi* [Древнерусская литература с элементами истории и культуры Древней Руси], Bydgoszcz 2010, pp. 368.

Среди польскоязычных публикаций, посвященных средневековой культуре восточных славян, очень трудно найти учебное пособие для студентов русской филологии и других специальностей, содержащее целостный образ эпохи. Преобладают краткие обзоры восточнославянской письменности с древнейших времен до современности¹. Правда, существует также польский перевод обширного труда Герхарда Подскальского под заглавием *Christentum und theologische Literatur in der Kiever Rus'* (*Христианство и богословская литература в Киевской Руси*), однако упомянутая публикация, сосредоточенная на древнейшем периоде русской истории, охватывающем время от начала христианства на Руси до нашествия монголов (1237), адресована не студентам филологических и исторических факультетов, а профессиональным исследователям-славистам².

Именно поэтому первым учебным пособием по древнерусской литературе, который предлагается вниманию польского читателя, можно считать новей-

шую публикацию Уршули Вуйчицкой, профессора Университета им. Казимежа Великого в Быдгоще, специалиста по литературе допетровской Руси (X–XVIII вв.)³ и другим вопросам русской средневековой культуры. Как сообщает автор в предисловии к рецензируемой публикации, она является результатом ее многолетней преподавательской и исследовательской работы. Следуя распространенной в современном литературоведении тенденции, Вуйчицка предлагает рассматривать историю русской культуры допетровского периода как единое целое, без разграничения средневековой письменности и литературных достижений писателей XVI–XVII вв. Поскольку в отечественной печати практически отсутствуют публикации об истории и культуре средневековой Руси⁴, исследовательница решила показать древнерусскую литературу на широком фоне общественно-исторических событий и достижений культуры (изобразительного искусства и зодчества) Древней Руси.

¹ *Historia literatury rosyjskiej*, ed. M. JAKÓBIEC, Warszawa 1976; B. МУСНА, *Historia literatury rosyjskiej. Od początków do czasów najnowszych*, Wrocław 2002.

² G. PODSKALSKY, *Chrześcijaństwo i literatura teologiczna na Rusi Kijowskiej (988–1237)*, trans. J. ZYCHOWICZ, Kraków 2000. Первое издание книги на немецком языке: G. PODSKALSKY, *Christentum und theologische Literatur in der Kiever Rus' (988–1237)*, München 1982. Русский перевод: Г. ПОДСКАЛЬСКИ, *Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.)*, trans. А.В. Назаренко, ed. К.К. Акентьев, Санкт-Петербург 1996 [= *Subsidia Byzantinorossica*, 1]

³ Дополнением к предлагаемой вниманию читателя книге является другой учебник Уршули Вуйчицкой, который целиком посвящен русской литературе XVIII столетия: U. WÓJCIŚKA, *Literatura rosyjska XVIII wieku z elementami historii i kultury Rosji*, Bydgoszcz 2008.

⁴ Краткий очерк истории Древней Руси польскоязычный читатель может найти прежде всего в начальных главах учебных пособий по истории России и Украины (L. VAZYLOW, P. WIECZORKIEWICZ, *Historia Rosji*, Wrocław 2010, p. 9–71; W. SERCZYK, *Historia Ukrainy*, Wrocław 2001, p. 20–53), а также в первом томе труда: A. ANDRUSIEWICZ, *Cywilizacja rosyjska*, Warszawa 2004, p. 7–304.

Книга состоит из Введения, трех глав, Заключения и Библиографии. Во Введении автор определяет хронологические рамки учебника, кратко характеризует специфику культуры средневековой Руси, развивающейся (начиная с момента крещения князя Владимира в 988 г.) под сильнейшим влиянием восточного христианства и византийской цивилизации, перечисляет важнейшие особенности древнерусской литературы. Несколько слов посвящает также наиболее характерным чертам восточнославянской палеографии, до сих пор нуждающейся, как и русская редакция древнецерковнославянского языка, в современном учебном пособии на польском языке⁵.

Учебник характеризуется последовательной подачей материала. Изложение истории литературы разделено на три части. В первой главе анализируется начальный этап развития древнерусской письменности, хронологически совпадающий с периодом существования Киевской Руси на политической сцене Восточной Европы. Вторая часть посвящена тяжелому времени татаро-монгольского нашествия и владычества (период культурного суверенитета Владимиро-Суздальской Руси). В третьей главе внимание уделено прежде всего литературным произведениям, возникшим на территории Московского государства в XVI–XVII вв. В каждой из вышеуказанных частей материал представлен по одной и той же схеме. В начале главы автор дает краткий обзор исторических событий, затем рассказывает о важнейших аспектах материальной культуры, изобразительного искусства (прежде всего иконописи), архитектуры и музыкального творчества. Кроме того, Уршуля Вуйчицка обращает внимание на малоизвестные широкому

⁵ Недавно вышел в свет древнерусско-польский словарь: Н. WĄTRÓBSKA, *Słownik staro-cerkiewno-rusko-polski*, Kraków 2010.

кругу польских исследователей новгородские грамоты на бересте, представляющие неоспоримую ценность для историка, изучающего общественную и хозяйственную жизнь Великого Новгорода, и на надписи и граффити, обнаруженные археологами на стенах важнейших памятников древнерусской архитектуры⁶. Подразделы, посвященные литературе, находятся в конце каждой главы и занимают, конечно, несравнимо больше места. Основой систематизации памятников древней письменности является жанровая система. В отдельных подразделах автор характеризует переводную литературу, средневековую историографию (летописание) и церковную литературу, прежде всего агиографию и так называемые хождения (рассказы о путешествиях). Вместе с тем исследовательница не забывает упомянуть о народном творчестве Древней Руси и тех жанрах светской письменности, которые стали появляться в литературе Московского государства на протяжении XVII в.

Подготавливая к печати столь многоаспектную публикацию, очень трудно избежать неточностей. Итак, безусловно слабой стороной рецензируемой работы можно считать фрагменты, излагающие ход исторических событий. Книга содержит, к сожалению, несколько фактографических неточностей и ошибок. Так, например, нельзя забывать, что византийский император никогда не имел полной власти над восточной церковью и ее руководителями (с. 16), что сан патриарха, начиная с половины V в., принадлежал на христианском Востоке только четырем епископам: константинопольскому, иерусалимскому,

⁶ Краткий обзор некоторых древнерусских граффити см. в монографии: М. WÓJTOWICZ, *Najstarsze datowane inskrypcje słowiańskie X–XIII wiek*, Poznań 2005, р. 91–96, 99–111, 119, 134, 137, 142–143, 146–149.

александрийскому и антиохийскому (с. 16), а окончательный раскол христианской Церкви (1054 г.) на западную/католическую и восточную/православную состоялся при константинопольском патриархе Михаиле Кируларии и римском папе Льве IX (с. 17). Трудно также согласиться с утверждением, что первые сведения о славянах стали появляться в письменных источниках уже в V в. до н.э. (с. 33) или считать текст русско-византийского договора 944 года, дошедший до наших дней только в составе *Повести временных лет*, старейшим древнерусским документом (с. 35). Княгиню Ольгу никаким образом не мог крестить император Константин Великий (с. 35), живший в IV в. и не имевший права (оно принадлежало только священникам) совершать обряд крещения. Вероятнее всего, правительница Киевской Руси крестилась в Царьграде в половине X в. во время правления Константина VII Багрянородного. Ни один византийский император не мог считать себя вполне наследственным правителем, а прозвище «Порфирогенит» (Багряногенный) придавалось в Византии только императорским детям, рожденным во время правления их отца (с. 57). Сыновья князя Владимира – Борис и Глеб – были причислены к лику святых Русской Православной Церкви не в 1020 г. (с. 91), а в 1072 г. Войска киевского князя Святослава никаким образом не могли захватить византийскую столицу в 971 г. (с. 115). Трудно также согласиться с утверждением Уршули Вуйчицкой, что изготовление чаши из черепа побежденного врага воспринималось в средневековом обществе лишь как знак почести и уважения к погибшему (с. 115). В византийских источниках можно найти информацию, что после разгрома императорской армии и гибели Никифора I, болгарский хан Крум (IX в.) приказал изготовить из черепа по-

бежденного правителя кубок, отделанный серебром, которым пользовался на пирах со своими вождями. Поступок хана интерпретировался византийцами однозначно – как чрезвычайно позорное событие в истории восточной империи⁷. Вторая жена Ивана III, Зоя-София Палеолог, была дочерью младшего брата последнего византийского императора, Константина XI Палеолога-Драгаша. В монографии читаем, что она является дочерью сестры императора (с. 159, 252). Александр Лисовский – основатель подразделений польской легкой кавалерии, действовавшей в пределах Московского государства во время Великой Смуты, никогда не получил сана гетмана (с. 314).

К тому же удивление вызывает факт, что Уршуля Вуйчицка не соблюдает – обязательного для всех исследователей прошлого – правила, согласно которому необходимо ссылаться непосредственно на исторический источник. Так, например, на с. 12, упоминая известный памятник древнеболгарской литературы, трактат *О письменах* Черноризца Храбра (IX в.), она цитирует фрагмент этого сочинения по научно-популярной книге Стефана Братковского, посвященной истории и культуре Великого Новгорода⁸. Очень

⁷ M.J. LESZKA, *Chan Krum i basileus Nikefor I w świetle Peri Nikēphōrou tou βασιλέως και πως αφήσιν τα κωλα εν Βουλγαρία*, SA 43, 2002, p. 35–43; IDEM, *Wizerunek władców pierwszego państwa bułgarskiego w bizantyńskich źródłach pisanych (VIII-pierwsza połowa XII wieku, Łódź 2003, p. 46–47 [=BL. 7]; IDEM, *Leon V i chan Krum w świetle fragmentu Chronografii (AM 6305) Teofanesa Wyznawcy*, PNH 6, 2007, p. 109–117.*

⁸ Стефан Братковский, в свою очередь, без никакой библиографической справки ссылается на какой-то труд Бориса Грекова. S. BRATKOWSKI, *Pan Nowogród Wielki. Prawdziwe narodziny Rusi*, Warszawa 1999, p. 167.

трудно понять, почему автор публикации не пользуется здесь изданием, содержащим его польский перевод авторства Александра Наумова⁹. Ситуация повторяется на с. 43. Автор приводит здесь короткий фрагмент Киевской летописи, цитируя текст по книге Евгения Осетрова *Живая Древняя Русь* и не сообщая читателям, что упоминаемый источник имеет полное научное издание на польском языке¹⁰.

Подготавливая к изданию столь обширную публикацию, разумеется, трудно полностью избежать повторений и непоследовательностей. Укажем на некоторые из них. На с. 28 Уршуля Вуйчицка неточно определяет стилистическую манеру, получившую широкое распространение в литературных произведениях православных славян в XIV в. под влиянием эстетических принципов исихазма (так называемое *плетение словес*), как «пустословие», а на с. 183 компетентно характеризует специфику этого стиля, тесно связанного с масштабнейшими явлениями в духовной культуре позднего средневековья. Приобщая читателей к основным вопросам византийского сакрального искусства (с. 51), она толкует древнецерковнославянский термин «иконопись» лишь как ошибочный перевод греческого слова *εἰκονογραφία*; в главе, посвященной переводной литературе и старейшим русским рукописям, содержащим фрагменты Ветхого и Нового Завета, подчеркивает характерное для богословия Восточной Церкви сопоставление Священного Писания и иконы (с. 68). Исследовательница ошибочно именует киевский храм Софии Премудрости Божьей

«верной копией» константинопольского собора (с. 64), а уже на следующей странице утверждает, что русская церковь отличается от византийской количеством куполов. В анализе иконографии Богородицы ошибочно утверждает, что *Спас Эммануил* изображает Христа-Младенца (с. 223), а на с. 57 подчеркивает, что анализируемый тип концентрируется на тайне Воплощения Слова Божия.

На этапе редакционно-подготовительных работ следовало также обратить больше внимания на используемые понятия и унифицировать терминологию, что позволило бы избежать разнобоя. Например, древнецерковнославянский язык трудно считать старейшей формой славянского языка (с. 16). Древнецерковнославянский (*staro-cerkiewno-słowiański*) – это язык православной литургии и средневековой славянской письменности, в то время как начальной фазой образования славянских языков является праславянский (*prasłowiański*). В Московском государстве на протяжении XVII в. никто уже не переводил трудов Отцов Церкви с греческого на старославянский (с. 301). Языком письменности и литургии являлась в этот период русская редакция древнецерковнославянского, т.е. церковнославянский язык (*cerkiewnosłowiański*). Автор употребляет также различные термины для обозначения русских и византийских софийских соборов (с. 64–65, 196). Кажется, лучшим вариантом было бы определение «церковь/собор Софии Премудрости Божьей», минимизирующее возможность перепутать Божественную Премудрость со святой Софией.

Члены редколлегии, решившие полонизировать все личные имена и географические термины, должны были позаботиться о последовательном и адекватном их употреблении. Итак, Византий

⁹ CZERNORZECZ HRABR, *O piśmie*, [in:] *Pasterze wiernych Słowian. Święci Cyryl i Metody*, ed. A. NAUMOW, Kraków 1985, p. 26–31.

¹⁰ *Latopis kijowski 1159–1198*, ed. E. GORANIN, Wrocław 1988, p. 180. Кстати, в Библиографии это издание упоминается.

– древнегреческий город, существующий на месте будущего Константинополя (с. 16) – это по-польски *Byzantion*, а район византийской столицы, в котором находился императорский дворец и известная Богородичная церковь – это *Blacherny* (с. 54). Польская форма имени Климент звучит *Klemens* (с. 23), а имени Никифор – *Nikefor* или *Nicefor* (с. 25).

Достоинством рецензируемого труда является приведение в скобках важнейших терминов в их первоначальной (древнецерковнославянской, церковнославянской или русской) форме, благодаря чему читатели книги, прежде всего студенты филологических факультетов, получили возможность познакомиться с оригинальной терминологией, а также помещенный в книгу богатый иконографический материал. Все иллюстрации и репродукции цветные и высококачественные. Они удачно подобраны и являются ценным дополнением к тексту учебника.

Итак, рецензируемая публикация безусловно содержит обстоятельное обоз-

рение важнейших литературных явлений и цивилизационных достижений русского средневековья, т.е. эпохи, которой обычно посвящается очень мало места в учебных пособиях по истории русской литературы (большинство наших критических замечаний касается в основном второстепенных вопросов, связанных скорее с историей, чем с литературой). Она убедительно раскрывает специфику литературы и культуры средневековой Руси, знакомит с культурными связями восточных славян с важнейшими интеллектуальными центрами на Балканах (в Византии, Болгарии и Сербии), а в XVI–XVII в. – с жителями польско-литовского государства. Следовательно, можно полагать, что предлагаемое вниманию читателя учебное пособие окажется востребованным студентами русской филологии и других специальностей, а также всеми интересующимися историей и широко понятой культурой Древней Руси.

Zofia Brzozowska (Łódź)

***Uczniowie Apostołów Słowian. Siedmiu Świętych Mężów [Disciples of the Apostles of the Slavs. The Seven Holy Men]*, ed. MAŁGORZATA SKOWRONEK, GEORGI MINCZEW, Collegium Columbinum Cracoviae, Kraków 2010, pp. 216 [= Biblioteka duchowości europejskiej, 4].**

The body of sources pertaining to the disciples of Constantine-Cyril and Methodius, unlike the texts devoted to the latter¹, has not been of particular interest to

¹ E.g.: *Żywoty Konstancyjny i Metodego (obszernie)* [*Lives of Constantine and Methodius (comprehensive)*], trans., ed. T. LEHR-SPEŁAWIŃSKI, Poznań 1959; *Pasterze wiernych Słowian. Świeci Cyryl i Metody* [*Shepherds of the faithful*

Polish scholars² and it is therefore gratify-

Slavs. Saints Cyril and Methodius], ed., trans. A. NAUMOW, Kraków 1985; *Cyryl i Metody. Apostołowie i Nauczyciele Słowian* [*Cyril and Methodius. Apostles and teachers of the Slavs*], vol. II, *Dokumenty* [*Documents*], ed. J.S. GAJEK L. GÓRKA, Lublin 1991.

² For example, an exception to this is a translation of some of the Clement of Ohrid's texts,